

ЗАГОТОВКА. О ВОЕННОЙ ПРОЗЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ. Рассказ «Винтовка»

Вадим Чекунов

Часть 1

Жена сказала, что сегодня ночью я сначала страшно кричал во сне, потом тихо плакал и кого-то о чем-то умолял. Я редко вижу кошмары и еще реже их запоминаю. Но этот....

Приснилось мне, что я журналист и беру интервью не у кого-то там, а у самой Гузель Яхиной. Она, между прочим, оказалась во сне очень приятной женщиной.

Сидим мы с ней, значит, в кафе. Беседуем об искусстве – современное кино, большая литература, критики-завистники, неправильный и неблагодарный народ, ну и все прочее актуальное. Журналистский долг возьми да и заставь меня спросить Гузель про ее дальнейшие творческие планы.

А она отпивает кофе из маленькой чашки, смотрит на меня добрыми глазами и говорит:

- Про татарскую беду и тяжелую женскую долю я уже написала...

Киваю. Как же, как же, - читали-с.

- Про эльфийские тяготы жизни поволжских немцев я уже написала...

Снова киваю, но почему-то настаораживаюсь при слове «немцы». Это я в жизни увалень и простофиля, а во сне у меня и суперспособности, и интуиция – все как надо.

В общем, немцы, да.

- А вот про войну... – ставит Гузель чашечку на стол. – Про нее у нас написано мало. Про нелегкую женскую долю на войне.

Я холодею и осторожно уточняю:

- На какой войне? Про какую войну вы?

Тут Гузель Шамильевна вдруг подмигивает и почему-то голосом Чулпан Хаматовой сообщает:

- Известно, про какую. Про Великую Отечественную!

И вот тогда я начал кричать. Сначала просто громко, а потом упал на колени, заполз под столик и все пытался обхватить писательницу за ноги. Плакал, ныл и умолял про что-нибудь про другое писать – да хоть про реактор, или про любимый лунный трактор... Только не про войну. Ну или про другую какую войну... Вот хоть половцев с печенегами...

Но было поздно. Окончательно превратившись в Зулейху, ой, то есть в Чулпан Хаматову, Гузель стала кричать не своим голосом дальше:

- Я, например, ненавижу Великую Отечественную войну!

- А кто ж войну любит?.. – плакал я.

- Я не могу ей гордиться! – неумолимо продолжала Яхина-Чулпан.

- Гордятся-то не войной, а победой... - всхлипывал я.

- Для меня это боль, кровь и страдание не только русского народа, но и немецкого, солдат и мирного населения других стран! – сказала Гузель Хаматова и навела на меня откуда-то взявшуюся винтовку...

- Не надо, пожалуйста, не надо... – скулил я. – Только не про войну, ну только не про войну!

И грянул гром...

...Утром я первым делом полез в интернетки. Холодею от тех самых предчувствий, от которых холодел во сне.

Как пелось в мультфильме-опере про охотника и зайца: «Предчувствия его не обманули!»

WARNING: если вас по какой-то причине не устраивает научная терминология, которая будет встречаться в тексте ниже (потому что текст о войне, а на войне – ком а ля гер), то лучше чтение не продолжать.

Итак, в майском (!), в праздничном, сука-блядь, номере журнала «Октябрь» за 2015 год есть рассказ нашей замечательной Гузель Яхиной.

Рассказ называется «Винтовка».

Это рассказ о восемнадцатилетней девушке по имени Майя, военной санитарке. Война. В некоем городе идут ожесточенные бои. Девушка вытащила на себе четырнадцать бойцов. Не всех удалось доставить живыми. И вот у нее задание – в одном из домов есть наши раненые. Их надо спасти, пока дом не заняли немцы. Девушка с медицинской сумкой отправляется на задание...

Звучит вроде пристойно. Вопросы, почему наши покинули дом и не захватили с собой раненых товарищей, почему девушке-санитарке никого не придали в помощь - у меня возникли, да. Но так как голова еще побаливала после выстрела в нее из винтовки в ночном кошмаре, я вопросы отогнал и принялся за внимательное чтение.

Рассказ начинается с того, что Майя добывает себе оружие. Ну, в самом деле, в зоне боевых действий тяжело без оружия, санитару в том числе. Как обстояло дело во время войны со штатным вооружением у медиков – это отдельная тема. Не каждому оно полагалось, да. Но для защиты себя и раненых медики на фронте вооружались и

внештатно, хотя бы пистолетом. Винтовку не всегда с собой потаскаешь, от пистолета толку мало, но всяко лучше, чем ничего. Майя же легких путей не ищет, поэтому добывает себе трофейное оружие. Я сначала подумал, это потому что «воевали с одной винтовкой на троих», но нет – там по действию минимум 1943 год, так как офицерские звания встречаются уже.

В общем, «винтовку Майя сняла с убитого, у стены дома. Даже не поняла сначала, наш или немец: в мостовой зияла кровавая воронка, из которой росли ноги и руки. Головы – не было. Воронка изо всех сил упиралась носками широко раскинутых сапог, крепко сжимала рукой винтовку».

Картина маслом. «Ручка, ножка, огуречик...». Куда упиралась воронка сапогами? Откуда известна кистевая сила воронки? А вот сейчас и проверим!

Майя тянет винтовку за ствол. Воронка не отдает. Майя сердится и дергает сильнее. «Оружие поддалось, медленно поползло к ней... вместе с чужой рукой, оставляя за собой толстый яркий след, словно краску из тюбика выдавили красную».

Лежала чужая рука и жизненные соки в себе копила, чтобы при случае красочно-кроваво напачкать, на радость отучившейся в киношколе Яхиной. Ну чтобы картинка была, вы понимаете. Рука при этом действительно крепко держит винтовку – бедная санинструкторша, «зажмурив глаза, один за другим скovyрнула чужие пальцы с приклада».

Боюсь у авторши спросить, как ее героиня бойцам жгуты на оторванные конечности накладывала, да раны вообще бинтовала...

"Теперь это ее ружье – маузер, новенький».

Ну, что ж, можно поздравить девушку Майю – не иначе как по акции вторым стволом разжилась. «Аттракцион «Удача»: вытягиваете из воронки винтовку, получаете ружье в подарок!» Потом-то я сообразил, конечно, что под «ружьём маузером» очевидно имеется в виду типичная винтовка вермахта, Mauser 98k. Но не смог понять, что же означала первая фраза рассказа: «Эту винтовку Майя сняла с убитого, у стены дома». Вот если бы героиня те самые сильно упирающиеся сапоги стянула – еще можно сказать, что их она сняла с убитого...

Ладно, сняла так сняла, русский язык авторше не родной ведь. Ползет девушка в дом. Подползла, «встала ногами на низкий подоконник дворницкой и уперлась ладонями в ребра пустого оконного проема с торчащими по краям остатками стекла».

Вторая картина маслом. Ползла, ползла и раскорячилась в окне дворницкой, еще и ладони зачем-то себе изрезала. Подарок не для снайпера даже, а для любого толстого скучающего немца. Это мне напомнило замечательный момент из рассказа О' Генри «Квадратура круга», где герой очумел от обилия городских впечатлений, а «мальчишка-газетчик швырял в него банановыми корками и приговаривал: "И не хочется, да нельзя упускать такой случай!"

Толстые немцы оказались ленивыми, случай упустили и не стали стрелять. Зато принялись что-то взрывать, и героиня благополучно забросилась взрывной волной внутрь дома, «прямо на жесткую тахту, застеленную пропахшими дымом и сыростью одеялами». Прилежная графоманша Яхина старательно выполняет чей-то, в общем, дельный совет – когда пишешь, не забывай насыщать текст запахами. Вот она и старается, дает героине нюхать «тахту с дымком», будто провонявшие всем на свете одеяла в доме, за который днями и ночами ведутся бои – это что-то особое. Ну, к запахам (равно как к толстым ленивым немцам) мы еще не раз вернемся.

А пока вместе с героиней поползем на четвереньках искать лестницу. По дороге Майя вспоминает, что вынесла она уже четырнадцать бойцов, но «троих убило осколками прямо на ней, пятеро умерли позже, в полевом госпитале, остальные выжили». Правда, после сцены зажмуривания глаз санинструктором, я начинаю подозревать, что эти восемь умерли из-за зажмуренно оказанной помощи. Лестница найдена.

«Вчера наши взяли было дом, но не смогли удержать, отступили обратно за улицу. На чердаке оставалось несколько раненых, их надо было принести, пока немцы опять не заняли дом».

Запомним этот момент. Наши отступили. Дом – пустой. Немцев там нет. Ну так на войне часто бывало – отбили фашисты у русских дом обратно, а потом посмотрели – чего-то он какой-то уже не такой красивый... весь какой-то коцанный, грязный... Ох уж эти иваны, вечно натопчут... Обиделись и ушли обратно, в другой дом, в уютный и фашистский. Ну а покинутом всеми доме - оставленные советскими солдатами раненые. Несколько человек. Потому и послали туда девушку-санитарку. А потому что есть женщины в русских селеньях. Вот тебе изба горящая, вот тебе кони – ступай, входи, тащи. Обойдешься без бойцов подмоги. Оружие не положено, а сильно захочешь – пошукай по воронкам, там бывает. Вперед!

«Второй взрыв застал Майю на лестнице первого этажа. Она успела прыгнуть и уткнуться лицом в большое и теплое еще тело, лежавшее навзничь на ступенях».

Майя укрывается телом, на всякий случай, вдруг еще раз что взорвется.

«Тело не возражало. От него шел вкусный запах табака и одеколона».
В рассказе появляется детективная линия!

Картина маслом третья, загадочная. Кто убил теплого и вкуснопахнущего фашиста – а это именно фашист оказался – и что вообще делал ароматный оккупант в доме, если его «пока не заняли немцы»? Разведчик? Зачем тогда его камерады взрывают что-то? Заблудился и погиб от взрыва? Судя по тому, что он еще теплый – значит, свежий совсем, тоже кого-то искал, бродил по лестнице.
Ладно, убили и хорошо, одним наодеколоненным курильщиком меньше.

Майя-затейница ползет по лестничным пролетам. Натурально ползет, в стиле «гусеничка»: «Майя ползла вверх, считая подбородком ступени... Все-таки женщине труднее ползти по ступеням, чем мужчине: грудь мешает. Хоть и маленькая. Приходится каждый раз аккуратно класть ее на ступеньку, как на полочку». Хорошо, раз удобно – ползи, как ползется. Главное – спешу к нашим, им нужна твоя помощь.
«Взбираясь по лестнице, потеряла счет времени. Сколько же этажей в этом чертовом доме?! Когда ползла к нему, казалось, что пять. И вот который пролет остается позади, а лестница не кончается. Ох, уж этот пятнадцатый – куда забрался»

Эй, эй, эй! Минуточку! Какой еще «этот пятнадцатый»?! Уважаемая авторша, вернитесь на два ваших пиздеца... простите, абзаца назад: «На чердаке оставалось несколько раненых». Это значит, что и шестнадцатый, и, может быть, семнадцатый с восемнадцатым героиню рассказа дожидаются. Как минимум. Не пятнадцатый один «куда забрался», а все они туда забрались, на чердак. Или героиня, вытащив одного, снова гусеницей по ступенькам поползет и будет вздыхать: «Ох уж этот шестнадцатый, куда забрался!»?
«Майя встретила еще несколько тел – пару наших, пару немцев. Лежали вповалку, словно обнявшись. Дрались, что ли?»
Отведите детей от экрана, пожалуйста.
НЕТ, БЛЯДЬ. ЕБАЛИСЬ!

Уф. Я предупреждал: чтение текстов Яхиной – то еще занятие. Это как ползание по лестнице с помощью подбородка и сисек, только намного хуже.
Озадаченная позами убитых, наша героиня начинает вдруг размышлять:
«А вот интересно: если бы какой-нибудь немец оказался живым, потащила бы она его на себе? Или оставила бы умирать здесь, на ступенях?»
ААААА!!! СУКА! У ТЕБЯ – ПРИКАЗ! ПРИКАЗ, БЛЯДЬ! ТАМ НАШИ РАНЕНЬЕ, НА ЧЕРДАКЕ! А ТЕБЕ, СУКА, «ИНТЕРЕСНО»...
(Вот это вот выше что, которое большими буквами, я писал не нажав кнопку «капс», а удерживая пальцем кнопку «шифт» - так больше злости передается. Чувствуете?)

«Неужели смогла бы оставить?... А может, его нужно было бы пристрелить? Не бросать же врага живым? Смогла бы? Майя не знала».
На этом моменте сказал себе: зато я знаю, что авторша замыслила. К гадалке не ходи - Майе придется возиться с раненым и вкусно пахнущим фашистом. Сам с собой поспорил: если, мол, не угадаю, то брошу всю эту литературу, надену рубище, возьму посох и уйду босиком куда глаза глядят.

В общем, пока героиня ползет, в доме начинается суетня – кино и немцы приехали. Стрекочут длинные автоматные очереди, вспарывая тишину. Раздаются громкие решительные команды, на немецко-фашистском, разумеется, языке. Которого героиня, понятное дело, не знает совсем - до времен «Гитлер капут!» и уж тем более до «Дас ист фантастиш!» еще далеко. Ну, и авторша Яхина, само собой, старательно прописывает каждую вражью реплику на языке-оригинале: «Schneller! Kommt, kommt! Dahin! Es gibt da jemanden! Aufwärt!» и все такое прочее.

Что ж. Имеет право на жизнь такой приём. Придает колорит, достоверность.
Проиллюстрирую китайским. Прилетает, допустим, в Пекин человек. Весь словарный запас китайского у него таков: он знает, что «нихао!» это «здрости!» и еще слышал, что слово «хуй» в китайском означает что угодно, но вовсе не то, что это же слово означает в русском. То есть довольно глубокие познания у человека. И вот мы пишем рассказ о нем.

«Едва он прошел паспортный контроль и вышел в зал, как к нему обратился улыбчивый молодой человек:

- 您好, 欢迎来到中国首都北京。

Пожав плечами, Антон направился к выходу из аэропорта. Мелодичный женский голос объявлял:

- 乘客们请注意 · 请带好随身物品。

Неподалеку от Антона ссорилась молодая семья.

-你为什么没把我的小熊放到行李箱里 - капризно кричала жена. – 你从来都不关心我。

-对不起·亲爱的 - виновато отвечал муж. – 我发誓不会再这样了。»

Ну и так далее. Здорово, правда? Текст "заиграл достоверностью и колоритом".

То, что годится для сценария, никоим образом не годится для литературы. Товарищи и господа редакторы, рецензенты и литературные критики! Ну ладно Яхина этого не понимает, но вы-то – вы-то можете если не объяснить ей, если не научить ее, так хотя бы не восторгаться, не писать «У нее нет огромного таланта, но все свои писательские возможности и навыки, приобретенные в Московской Школе Кино, она использует по максимуму».

Избавьте нас от яхинского максимума... На хер.

Извините. Наболело. Крик души. Вернемся к тексту.

Наша героиня «стараясь бесшумно ступать на цыпочках (кирзачей на ее тридцать пятый размер не было, пришлось взять сороковой)» прячется от немцев в одной из квартир где-то наверху.

Как минимум 1943 год, напомним. Сапоги не подыскали саниструктору, кирзачи выдали на пять размеров больше... Старательная Яхина науглила нечто вроде воспоминаний военной переводчицы, что она в 42-м носила кирзачи на четыре размера больше (Дунаевская И. От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942-1945). М., 2010. С. 43). Но даже в этом дневнике Дунаевская пишет, что потом старшина ей раздобыл яловые, по ноге. И она была переводчицей, при штабе. А тут – на передовой человек...

Не удивительно, что Майя озлобилась. К солдатам у нее отношение было, мягко говоря, прохладное.

«Она их вообще не любила. Зачем вытаскивала? А сказал же как-то замполит: «Человек на войне должен быть как винтовка. Надо – стреляет. Не надо – ждет, когда надо будет». Надо было – вот она и вытаскивала».

Ну, а чего их любить – они вон какие противные:

«Обкусанные губы, из уголков рта – ручейки слюны. В оскале – желтые зубы с серым налетом, дух перегара в лицо: «Сестричка! Сестричка-а-а!.. Ох, какая молоденькая...» Глубокие поры на лбу, черный пот струится по длинной щетине. Грязные, измазанные кровью».

Перегар для закрепления материала еще будет упомянут - Майя все время «отворачивалась от резкого спиртового запаха (ох уж эти сто грамм фронтовых!)».

То ли дело теплый немец – вкусно пахнул как, помните?

Ну, подождем, может, вонючие немцы тоже появятся – война все же.

Майя прячется в квартире, за «высокие, наполовину стеклянные двери. Плотные занавески закрывали стекло. Двери были распахнуты настежь, специальные бархатные ленты, накинутые на крючки в стене, удерживали их открытыми».

Ну, нормальное место, да.

«Майя встала за одну из дверей, прижала к груди винтовку».

Это мы запомним, нам пригодится.

Но – чу! Пришли фашисты в квартиру. Один решительно-голосый, другой какой-то шкет.

«– Haben Sie hier geguckt? – Тот самый начальственный голос.

– Noch nicht, Herr Oberleutnant. – Второй голос, совсем молодой.

– Schauen Sie Mal hier überall. – Кто-то прошел к окну, видимо, хозяин решительного голоса.

Поднял с пола стул, с грохотом поставил его и сел. Стул жалобно заскрипел. Тяжелый мужчина, килограммов девяносто, решила Майя. Такого одной не вытащить. Раздался короткий щелчок (зажигалка!). Майя почувствовала запах табачного дыма – офицер закурил».

Вот, кстати, и первый толстый ленивый немец. Я-то думал, он к окну ходил, чтобы осторожно обстановку оценить, а он, оказывается, за стулом просто. Такие долго не живут, посмотрим, сколько он протянет.

Пока толстый фашист сидит и курит (а Минздрав СССР его предупреждает), второй шагает «по квартире, громко расшвыривая вещи и заглядывая во все углы».

Приходят еще их сослуживцы, громко смеются и зачем-то ссут на стены. Ну, фашисты – что с них взять. Впрочем, главный на них рявкает.

«Несколько солдат убежали, оставшиеся начали переворачивать и ставить на ноги стол и стулья, двигать мебель. Что они собираются делать?..»

А действительно, что? Ведь перед этим молодоголосый старательно расшвырял всё...

«Немцы – их было в комнате четверо или пятеро – продолжали к чему-то готовиться».

Я очень боялся, что они к оргии какой-нибудь своей, богомерзкой и фашистской, готовились. Но всё обошлось.

«По щелканью затворов Майя поняла: к бою»

А-а, теперь ясно – какой же бой без расставленных стульев и столов! Немец порядок любит, это все знают.

«Она старалась не дышать. Какое счастье, что поставила маузер на пол, а не повесила на плечо!»

Длина винтовки, что у нашей героини – 111 см. Если она ее «поставила на пол» ее, то как быть с тем, что она ее «прижала к груди» парой абзацев выше?

У меня два варианта – либо рост героини метр тридцать, либо ее грудь от ползания по лестницам стилем «гусеничка» сильно подпортилась... Еще чуть-чуть - и тоже можно на пол ставить.

Далее толстый лейтенант-курильщик начинает таинственный обратный отсчет минут и секунд вслух. Когда истекают последние секунды, где-то что-то взрывается поодаль. Стены слабо вздрагивают и между двумя солдатами происходит такой важный диалог.

«– Was für ein Tagist heute? – тихо спросил один немец.
– Sonntag, – так же тихо ответил второй»

Один спрашивает, какой сегодня день. Второй отвечает: воскресенье.

Все. Дальше начинается перестрелка. И к чему был этот диалог?

Меня хватило лишь на предположение, что по воскресеньям у толстого фашиста-начальника получается какой-то особо праздничный взрыв. Если у кого есть более конструктивные идеи – поделитесь.

Итак, начинается перестрелка, «все в дыму, война в Крыму».

Наша героиня по-прежнему стоит за дверкой. Чтобы скоротать томительное ожидание, она размышляет:

«Если пуля попадет в дверь, она прошьет ее насквозь и убьет меня? Или застрянет в дереве? А если попадет в стеклянную часть?»

Я и раньше опасался за умственное состояние Майи, а теперь совсем уже не знаю, что подумать. Что же, действительно, такое будет, если пуля попадет в стеклянную часть двери? Хм-м...

Ум у нашей Майи слабый, зато пытливым. Прямо как у покупателя в анекдоте:

Продает мужик попугая, а у того к ногам две веревочки привязано. Покупатель подходит, спрашивает: «А веревочки зачем?».

Продавец: «За левую дернешь - по-английски говорит, за правую - по-немецки».

Покупатель: «А если я за обе дерну, что будет?»

И тут попугай такой: «Я же тогда ебнусь, придурок!»

То есть даже попугай знает, что бывает в определенных критических случаях и ситуациях. А санинструктор Майя – нет, она сегодня первый день на работе...

Часть 2

Идем дальше.

Перестрелка потихоньку смолкает. Умственно отсталая Майя с любопытством выглядывает из-за дверки.

«Так и есть: четыре мертвых фрица валялись у окон. Пятый – офицер – посередине комнаты. Шагнула из-за двери. Присела на стоящий в центре комнаты стул, стараясь не смотреть на лежащего рядом офицера».

А вот тут хочется автору похвалить, наконец! Тут как раз все верно. Тот, кто во время боя так и сидит посередине комнаты на стуле и жалобно им, стулом, скрипит, может запросто схлопотать пулю. Дело нехитрое. Вот немец свою уже получил. Он и до этого хотел покончить с собой – когда подходил к окну, но не подфартило тогда. Зато идея со стулом сработала. А вот и героиня присела на заветный стульчик – свято место пусто не бывает. Но нет, мы же знаем, ее не должны сейчас убить – еще не реализована задумка «медсестра помогает подстреленному врагу».

В комнате добычи для нее нет – все мертвые, некому помочь. Но не может такого быть, чтобы не завалился нигде фриц-подранок. Не может, и все.

И, конечно, остается загадкой, чего это вдруг Майя от лежащего рядом офицера нос воротит, старается не смотреть. На лестнице-то, озорница, всех немцев перенюхала да перещупала. А этот, значит, не приглянулся... Впрочем, может, излишний вес офицера тому причина, понимаю.

Хорошо, что немцы не кончились – опять где-то рядом голоса и стрельба. Майя «порхнула в соседнюю комнату». Порхнула она. Блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна... она, одной ногой касаясь пола, другою медленно кружит... и вдруг прыжок, и вдруг летит... летит, как пух от уст Эола... то стан совет, то разовьет... и быстрой ножкой ножку бьет... В кирзачах на пять размеров больше и с винтовкой, прижатой к груди. Порхнув, Майя спряталась под столом, «замерла под длинной, почти в пол, скатертью... В квартиру вбежали еще люди».

Прямо нехорошая квартира, и все тут. Тянет сюда фашистов. Как говорил мой взводный: «Мухами, штоле, намазано?»

«Несколько человек уже в комнате. Из-под бахромы скатерти она разглядела три пары ног. Жажнули выстрелы: несколько винтовок и пистолетов, стреляют почти в упор».

В кого? В кого они стреляют в упор?!

«Кто-то со стуком валится на пол».

А-а, друг в друга стреляют в упор! Ну, это понятно – фашисты же. Им что свой, что не свой - лишь бы кого-нибудь убить.

В общем, снова стрельба вовсю.

«Столешница вздрогнула, словно гвоздь забили, – пуля. Какая странная мысль: я никогда не красила губы маминой красной помадой. Столько раз хотела попробовать – и не красила... Столешница вздрогнула еще раз – вторая пуля».

Тут психологизм, понимаю. Розовой красила. Сиреновой, бывалоча, мазюкалась. Красную не смела трогать. Ведь она ж со знаменем цвета одного!

О чем только не подумаешь, вспомнив, как батя с одного маху гвозди в доски засаживал...

«Вдруг – Oh, Schande! – чье-то грузное тело валится к подножью стола с коротким вскриком. Его лицо оказывается совсем рядом, толстые, до синевы отбритые щеки колыхаются студнем».

Это уже второй жиробас в подразделении! Первый, 90 кгэ который, на стуле убился, теперь вот отбритый студень гикнул еще. Понятно становится, почему они ее тогда, когда она в окне в раскоряку стояла, не пристрелили. Бодипозитивные разгильдяи вместо наблюдения за домом - бритьем занимались, отбрасывали себе синеватые студни щёк...

«Двое продолжают отстреливаться. У одного кончаются патроны, он швыряет пистолет в сторону».

Каким образом Майя видит швырнутый в сторону пистолет, если она лежит под столом с низкоопущенной скатертью и видит лишь три пары ног? Под плинтус в упор стрелял фашист, что ли? На тараканов охотился? «Немец падает на колени у труп, вырывает из податливых рук мертвеца вальтер».

Ага, так и запишем – целиковый мертвец держит оружие вяло, а вот разделенный взрывом на части приобретает цепкую обезьянью хваткость.

Да, еще заведем отдельную графу, назовем ее: «Немцы – мудаки. Доказательства». Сюда запишем следующее: «Предпочитают палить из окна куда-то вдаль из пистолетов».

Немец, хоть и мудака, но Майю под столом замечает, глаза его становятся тигриными и он пытается Майю пристрелить, но – осечка! Передергивает затвор... И тут его сражает меткая советская пуля, залетевшая в окно. Немец, до этого стоявший на коленях, «падает лицом вперед. В падении успевает перевернуться и приземляется на спину, делает еще несколько выстрелов»

Артист больших и малых академических театров, а не немец. Ему бы в цирк советский пойти, клоуном Клёпой. А он, дурень, воевать поперся. Каких таких «еще выстрелов» он делает, если до этого лишь одна осечка была, не знаю.

Да и хрен с ним. Нас ожидают куда более интересные события.

«Майя выскакивает на балкон. Прижимается спиной к стене. Балконная дверца остается незатворенной – не успела прикрыть»

Запомним момент с дверью.

На балконе Майя занимается любимым делом – размышлениями:

«Догадается ли последний немец, что она здесь? Или ее раньше с улицы возьмут на мушку?.. Слышит, как он входит в комнату. Шагает мягко, легко – крадется, сволочь! Майя плавно открывает затвор: патроны в обойме есть!»

То есть - до этого она ползала, бегала, пряталась, обнимала винтовку, терлась о нее маленькой грудью – и даже не знала, есть ли в оружии патроны? Нормально. Я ж говорю – умственно отсталая.

Отдельное слово яхинским редакторам. Насчет обоймы. Умоляю, – да уймите вы ее! Она ж в каждом тексте, где винтовка появляется, заставляет своих героинь в эту самую «обойму» в винтовке и заглядывать... Понятно, что слово «магазин» она не может осмыслить шире значения «супермаркет», ну, а вы-то на что...

Ну, что, помните про незатворенную балконную дверь? Вот вы, читатели, помните, а Яхина, писательница, уже ничего не помнит. Поэтому ее героиня «отрывает спину от стены и толкает дверь балкона стволем, та бесшумно распаивается»

Майя входит в комнату и видна ее «длинная тень с ружьем наперевес».

Куда она дела свою винтовку – не спрашивайте. Может, на балконе нашла ружье и оно ей больше понравилось. К ружьям у нее явная страсть. Как у немцев к пистолетам.

Кстати, последний фашист оказывается человеком явно со странностями.

«На слегка согнутых ногах он стоит боком к ней посередине зала – невысокая худая фигура в коричневом. В напряженно вытянутой руке – черный люгер».

Пишем в графу «Немцы – мудаки. Доказательства»: «Еще один пистолетчик».

Куда целится напряженно стоящий в легкой раскоряке фашист в коричневом – остается загадкой. Но Майя решает в него стрельнуть.

«Удар пули разворачивает немца, как жестяную фигурку в тире. Люгер летит в сторону и ударяется о стену.

Раненый сильно выворачивает шею, находит глазами Майю и начинает медленно оседать на дрожащих коленях»

АГА! Вот и он, вот и он, наш фашистский почтальон! Дождались! Есть раненый!

Что ж, мои скитания с посохом откладываются до лучших времен.

Займемся вместе с Майей фашистом-подранком. Выглядит он колоритно:

«Мамочка, да он же совсем ребенок!.. На Майю смотрят огромные, полные ужаса серые глаза в дрожащих ресницах, зрачки – как монетки. Лицо – белое, ноздри – еще блее... Большая пилотка с блестящим серебристым черепом сползла на затылок. Одно ухо торчит чуть больше второго. Из-под коротких шорт – длинные ноги».

Имеем: юный эсэсовец-дитя (это всё Гиммлер – понабрал в СС школоты по объявлению) в коротких шортах и в чем-то еще коричневом.

«Мальчик валится на пол, подвернув под себя лодыжки, лицом вверх. Становится совсем тихо. На груди справа – темное пятно, влажное, сочится, расплзается. Сильное ранение. С таким – сразу на операционный стол... Что же дальше?»

Нюхай его! Нюхай! Должен вкусно пахнуть! А то за «сильное» ранение сейчас наполучаешь, медицина...

Майя долго переживает, не разглядела, что подстрелила мальчика. Но понимает, что мальчик-то плохой.

«И все-таки – неужели добить?.. Делает еще шаг к нему, не опуская винтовку».

То есть мальчик лежит на полу, а тетя идет на него, «не опуская винтовку». Куда она целится?

«Он скашивает глаза – увидел Майю. Красивые глаза, в длинных ресницах – как подведенные. Брови изогнуты. – Du hast Mamas Naare, – шепчет.

Майя опускает оружие. Нет, не могу.»

А вот как раз теперь я бы на месте пацана сильно забеспокоился – он же на полу лежит, а тетя винтовку-то – опустила.

Майя разглядывает добычу. Помните наших советских раненых – грязных, пористых и вонючих? Которые ну просто фу-фу-фу!

А тут – совсем другое дело. Европа, понимаете ли.

«Лицо свежее, кожа нежная – наверняка еще не брился ни разу. Шея тонкая, кадык не прорисован. Волосы – как сосновая стружка. Подумалось, до чего же похожи на мои...»

В общем, Майя принимает важное решение. На пятнадцатого «совка» и прочих, которые там, на чердаке – забить. Они ж наверняка грязные и старые.

Майя решает тащить мальчика-фашиста в коричневых коротких шортах.

«Шагает он плохо: ноги не держат. Ботинки – черной блестящей кожи, с толстой подошвой (не чета ее кирзачам!)»

В каком смысле не чета? Голенища у кирзачей тусклы или подошвы тонковаты? И почему раньше всюду все грохотали по лестницам и комнатам сапогами, а мальчик-фашист оказался в ботинках? А-а, понимаю: это потому что у нас коммуняки-командиры выдали бабе с 35 размером ноги – сапожищи из коззама. А вот заботливые дяди-фашисты своего мальчика обули в подходящие ему берцы из натуральной кожи. Еще и начистили до блеска. Ну, война же – а на войне все должно блестеть. Немец чистоту любит.

Героиня тащит на себе немчонка. И – вот оно, долгожданное!

«Его кожа пахнет пороховым дымом, а еще еле слышно – кофе с молоком. Майя хорошо помнит этот запах: им всегда в школе давали по средам».

Вот так-то, перегарный бывший пятнадцатый, на чердаке пылящийся. Сдохни там, неудачник, со своими боевыми товарищами.

«Прислонились к дверям квартиры. Мальчик стоит плохо, ноги подгибаются. Рука, которой он зажимает рану, стала густого красного цвета. Ну, вот и твоя кровь у меня на сумке, пятнадцатый... Осталось полпути, пацан, держись!»

Сука, пятнадцатый – это который наш! И он все еще ждет тебя, на чердаке, вместе с другими. Их хотя бы перебинтовать надо. Ты чего, падла, творишь-то?

А немчик, почуяв, что неожиданный фарт ему выпал, оживляется и начинает бормотать:

«– Ich hatte drei Brüder. Alle im Krieg gefallen, – выдыхает он, слов почти не разобрать.

Вот болтун, горе какое! Силы береги, кому сказано!»

Брось его, последний раз тебе говорю! На чердаке несколько наших раненых, кровью истекают! Беги к ним, кому сказано!

«Терпи, пятнадцатый, почти пришли. Майя сажает его спиной к стене, поправляет на плече винтовку. Сейчас одолеем последний этаж – и...»

Как я обрадовался, что в дом внизу снова вошли коллеги спасаемого Майей фашиста! Никогда так фашистам не радовался, ей богу! Наша отважная героиня, аккуратно усадив подопечного, решила бежать прочь, к нашим (тут приходится уже уточнять – к красноармейцам). Майя надеется, что фашисты своего найдут и тому повезет, его спасут.

При спуске по пожарной лестнице Майя падает, потому что «очередная перекладина проламывается под ногой, еще и еще одна» - понятное дело, какой металл выдержит такую сволочь, бойцов своих на шкета-фашиста променявшую... И земля, надеюсь, носить не сможет.

Но нет, земля остается равнодушна. И по ней, по земле, Майя ползет к своим. То есть к нашим, к советским. Ну, в общем, к тем, кто против фашистов.

Запутано стало все, согласен.

А винтовку Майя утратила – та повисла на переломанной пожарной лестнице и раскачивалась, как маятник, что-то для авторши Яхиной символизируя.

Рассказ завершается так. Майя ползет на противоположную сторону улицы. Тут слышится рев самолетов, появляется какой-то капитан, который ругается на Майю – неужели она не слышала приказа, сейчас будут фашистов бомбить! Капитан, слышавший приказ, прячется за автомобилем на противоположной стороне улицы – ну, чтоб получше рассмотреть, как точечными ракетно-бомбовыми ударами наши славные парни из ВКС отработают по домам напротив. Не, ну а чо? Координаты заданы, бортовые компьютеры включены, системы наведения работают.

И впрямь начинают бомбить – умными снарядами обрабатывают немецко-фашистскую сторону улицы. В труху. Сердитый, но шустрый капитан, пользуясь случаем, покрывает своим телом Майю, как бык овцу.

«Бомбардировка заканчивается внезапно. В резко наступившей тишине отчетливо слышен гул улетающих самолетов».

Тишина – это когда нет отчетливо слышного гула, уважаемая авторша. На то она и тишина.

«Земля перестает толкать Майю. Она выползает из-под капитана, с волос сыплются камушки и мусор».

Камушки и мусор... Какая милая и трогательная деталь. Камушки...

Картина маслом, заключительная: «Майя продолжает сидеть на земле. Ей кажется, что сквозь дым и пыль по-прежнему видна та самая стена, та самая лестница, та самая перекладина, на которой качается тяжелым неустанным маятником оставленная ею винтовка».

Это последний абзац истории о санинструкторе Майе и похеренном ей задании помочь бойцам Красной армии.

Не знаю, зачем госпожа Яхина постоянно лезет в темы, в которых ни бельмеса не смыслит. Не знаю, зачем ее кураторам нужно пропихивать вот такое в литературу. Поверьте, мы еще увидим это в сборнике малой прозы нашей лауреатши.

Но хуже всего – огромен риск, что ей закажут «большой роман» на подобную тему. Ну, вы понимаете – мальчишкам Колям из Уренгоя нужна своя литература.

Ведь есть прекрасная и пронзительная повесть Виталия Закруткина «Матерь человеческая». Да, идеологически она архаична сейчас. Да, за пятьдесят лет много чего изменилось, в том числе и сама проза. Но ведь когда мы читаем историю о потерявшей всех родных и близких Марии, узнаем о том, как она выхаживает раненого юного немца, - это не вызывает отторжения, мы понимаем героиню. А потому что это написано человеком, знавшим жизнь и смерть очень хорошо. Автор повести «Матерь человеческая» был не только писателем, это был человек, который добровольцем ушел на фронт, освобождал Прагу, брал Берлин, за личную храбрость был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

И повесть автору принесла заслуженные награды.

Опубликован бездарный рассказ «Винтовка», как уже говорилось, в майском номере журнала «Октябрь» за 2015 год. В том же году авторша одарила нас всех своей знаменитой нынче «Зулейхой».

Как хорошо, что спустя пару-тройку лет этот журнал приказал долго жить.

Думал ли я, регулярно читавший «Октябрь» с середины 80-х, что буду искренне радоваться его закрытию? Нет, не думал.

Считается, что настоящее художественное произведение всегда меняет что-то в человеке. Теперь я знаю, что и мутная тряпня типа яхинской прозы тоже способна на это. Мой внутренний мир после прочтения рассказа Гузель Яхиной «Винтовка» необратимо изменился – сожаление о закрытии одного из любимых литературных журналов сменилось торжеством и радостью. И надеждой, что те, кто тиснул в праздничном номере эту графоманскую гнусь, будут гореть в аду.

Но этого ведь мало.

Они же отравляют наших детей. Тянутся к их душам и сердцам. Вот посмотрите:

Подготовка к итоговому сочинению по литературе в 11 классе

Рассказ Гузели Яхиной «Винтовка»

Мальшева Татьяна Юльевна

Несколько причин побудили выбрать для обсуждения на уроке литературы рассказ Г. Яхиной «Винтовка»:

- заставляет волноваться и следить за сюжетом;

- утверждает вечные ценности в их противоречии: разум-чувства, жизнь-смерть, добро-зло, война-мир, дом-бездомье;

- художественные особенности маленького рассказа.

Вопросы, предложенные учащимся.

- О чём рассказ?

- В чём особенность маленького рассказа?

- Какие мотивы, смыслы развиваются в рассказе?

- Какие стилистические особенности обнаружили в рассказе?

В прошлом году обсуждали роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», поэтому имя и факты биографии автора ученикам знакомы.

Не знаю, кто такая эта учительница Мальшева. И знать не хочу. Может, просто недалекая энтузиастка, поддавшаяся магии «громкого имени» свежеепеченной лауреатши больших премий.

Не знаю даже, знакома ли эта учительница с упоминавшейся выше прекрасной повестью «Матерь человеческая» и проводила ли она по ней занятия с детьми.

Но что-то мне подсказывает, что нет. Иначе бы ей и в голову не пришло отравлять школьников яхинской поделкой. Представляю, каким «вечным ценностям» и «художественным особенностям» обучились ее выпускники. А потом они, повзрослевшие, с оловянными глазами эти ценности начнут реализовывать.

Все, что нам нужно знать – это то, что мы должны беречь наших детей. От учительниц мальшевых. От писательниц яхиных. От актрис с острой гражданской позицией – потому что те слова из ночного кошмара про Великую Отечественную, про страдания немецкого народа и отсутствие гордости за победу – это подлинные слова Чулпан Хаматовой.

Нам нужно беречь и себя. Свою историю, свою культуру.

Потому что мы в большой опасности.

Есть ли у нас гарантия, что «Винтовка» - всего лишь глупый и дрянной рассказец в почившем журнале, а не ждущая своего часа заготовка для очередного «Великого Произведения о Великой войне» и очередных премий и наград? А потом и нового сериала про "вечные ценности в их противоречии", к очередной годовщине Победы? Таких гарантий у нас нет.